

Диана Фурсова

Развод
с альфой

ЛУННЫЙ ДОМ
ДЛЯ ПРОКЛЯТЫХ ВОЛЧАТ

Диана Фурсова

Развод с альфой. Лунный дом для проклятых волчат

<https://litres.ru/74205733>

Аннотация

После публичного развода с альфой мне дали сутки, чтобы исчезнуть из главного дома. Вместо жалости, защиты и прежней жизни я получила заброшенный Лунный дом на окраине стаи — старый, странный и почему-то признавший именно меня своей хозяйкой.

А в первую же ночь на моём пороге появились трое волчат, которых все считают проклятыми. Их боятся, от них хотят избавиться, а Совет уже решил их судьбу без права на спасение.

Теперь мне предстоит защитить детей, раскрыть тайну старой клятвы и выстоять против тех, кто годами кормил стаю страхом. И хуже всего то, что рядом снова оказывается Рейнар — альфа, который однажды выбрал власть и удобный порядок вместо меня.

Но если Лунный дом уже выбрал свою семью, возможно, этой стае придётся услышать правду. Даже если после неё рухнет всё, на чём держалась их власть.

Содержание

Глава 1. Развод перед всей стаей	4
Глава 2. Дом, который проснулся	22
Глава 3. Волчата, которых нельзя впускать	49
Глава 4. Альфа приходит за детьми	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1. Развод перед всей стаей

В тот вечер я поняла: большее всего ранит не предательство, а то, как спокойно его умеют преподносить перед чужими глазами.

Большой зал главного дома был полон. Стая собралась почти вся: старшие роды сидели ближе к возвышению, воины стояли у стен, женщины шептались возле высоких окон, а молодые оборотни вытягивали шеи, будто их позвали не на собрание, а на представление. За тяжёлыми дверями шумел вечерний ветер, стучал по ставням сухими ветками, и от этого казалось, что сам дом пытается предупредить меня: уходи, Алиса, пока ещё можешь выйти сама.

Но я стояла у левой колонны, как и полагалось жене альфы. Уже бывшей, хотя вслух это ещё не прозвучало.

Рейнар не смотрел на меня.

Он стоял в центре зала, высокий, собранный, в тёмном камзоле с серебряной застёжкой у горла. Его лицо было спокойным, почти холодным, и только напряжённая линия плеч выдавала, что это собрание далось ему не так легко, как он хотел показать. Когда-то я умела читать в нём больше: по тому, как он задерживал дыхание, как чуть поворачивал голову, как сжимал пальцы на подлокотнике своего кресла. Когда-то мне казалось, что между нами есть невидимая нить, и даже если весь мир заговорит против нас, мы всё равно

услышим друг друга.

Теперь эта нить висела оборванной.

Я пришла сюда не потому, что не знала, чем всё закончится. Последние недели в главном доме были такими тихими, что от этой тишины звенело в ушах. Слуги замолкали, когда я входила. Старшие жёны отводили глаза. На моём месте за длинным столом однажды оказалась другая чашка — тонкая, белая, с золотым ободком, слишком нарядная для ежедневного ужина. А потом в дом приехала Мирена.

Новая избранница альфы.

Её имя произносили осторожно, будто боялись спугнуть удачу. Мирена была из сильного рода, с правильной кровью, правильной волчьей линией и правильной улыбкой. Такой женщине не приходилось доказывать, что она достойна стоять рядом с альфой. За неё всё уже решили происхождение, Совет и старые договоры между родами.

А за меня, как выяснилось, больше никто решать не собирался.

— Стая ждёт твоего слова, Рейнар, — произнёс Арвел, старший советник, сидевший справа от возвышения.

Его голос был мягким, почти ласковым, но в этой мягкости всегда чувствовалась сталь. Арвел не повышал тона, потому что ему не нужно было кричать. Люди и оборотни слушались его из привычки. Он пережил трёх альф, похоронил двух жен, рассорил четыре рода и всегда выходил из любой беды так, будто просто поправлял складку на рукаве.

Рейнар кивнул.

В зале стало тише.

Я почувствовала, как рядом со мной кто-то задержал дыхание. Наверное, Марта, старая служанка, которая приносила мне по утрам горячий хлеб и делала вид, что не замечает, когда я плакала после очередного холодного ужина с мужем. Она не имела права подойти ко мне сейчас. Никто не имел.

Жена альфы должна была стоять прямо.

Даже когда её снимали с этого места, как ненужное украшение со стены.

— Сегодня я объявляю решение, принятое мной и подтверждённое Советом, — начал Рейнар.

Его голос разошёлся по залу ровно, без единой дрожи. Я знала этот голос. Им он отдавал приказы воинам. Им успокаивал стаю после зимнего нападения чужаков. Им когда-то говорил мне, что не позволит никому унижить меня в своём доме.

Я невольно усмехнулась.

Очень тихо. Так, что услышала только я сама.

— Мой брак с Алисой расторгается, — сказал он.

Слова упали между нами тяжело, безжалостно, окончательно.

Я думала, что подготовилась. Столько раз прокручивала этот миг в голове, что должна была встретить его достойно. Не расплакаться. Не пошатнуться. Не вцепиться пальцами в ткань платья так, чтобы побелели костяшки. Но тело всё

равно предадо меня: сердце ударило слишком сильно, воздух на мгновение стал густым, а зал будто отодвинулся, превратившись в мутное пятно из лиц, свечей и тёмных балок под потолком.

Расторгается.

Не “мы не справились”. Не “я виноват”. Не “прости”.

Просто брак расторгается.

Как старый договор на поставку дров.

— Причина? — спросил кто-то из дальнего ряда, хотя ответ все и так знали.

Арвел чуть повернул голову, и вопрос задавшего сразу растворился в кашле.

Рейнар наконец посмотрел на меня.

Не как муж.

Как альфа, которому нужно завершить неприятное дело.

— Этот союз не дал стае наследника, — сказал он. — И не укрепил род так, как ожидалось.

Я выдержала его взгляд, хотя внутри что-то медленно и болезненно сжалось. Вот значит как. Всё свели к наследнику. К ожиданиям. К пользе. Ни слова о том, что я три года пыталась стать частью этой стаи. Ни слова о том, что встречала его после советов, когда он возвращался злой и усталый. Ни слова о том, что закрывала собой младших во время той зимней тревоги, когда чужие волки дошли почти до ворот. Ни слова о ночах, в которых мы ещё были мужем и женой, а не двумя чужими людьми под одной крышей.

Я хотела спросить, когда именно он решил, что я стала бесполезной.

Но не спросила.

Потому что зал ждал не моей боли. Зал ждал продолжения зрелища.

— Совет признаёт решение альфы законным, — произнёс Арвел. — Брачные печати будут сняты до полуночи.

Сзади кто-то облегчённо выдохнул. Кто-то шепнул: “Наконец-то”. Я услышала это слишком отчётливо, хотя в зале уже поднялся приглушённый гул. Странно, как хорошо человек слышит чужую жестокость, когда больше всего хочет оглохнуть.

Дверь справа от возвышения открылась.

Я не повернула головы сразу. Не хотела давать им этой радости. Но по тому, как изменился шум в зале, как женщины зашуршали платьями, как мужчины выпрямились, я поняла: она вошла.

Мирена.

Она шла медленно, уверенно, будто этот зал уже принадлежал ей. Свет от свечей скользил по её светлым волосам, собранным в сложную косу, по тонкой шее, по платью цвета зимнего неба. Красивой её было назвать мало. Мирена выглядела так, как должна выглядеть женщина рядом с альфой на старинном портрете: благородная, спокойная, безупречная. Даже улыбка у неё была выверенная — не слишком широкая, чтобы не показаться торжествующей, и не слишком

скромная, чтобы никто не забыл, ради чего она сюда вошла.

Она остановилась рядом с Рейнаром.

Слишком близко.

И только тогда я увидела на её запястье серебряный браслет с лунным камнем. Такой носили женщины, которых род официально представлял как будущих жён. У меня похожий браслет сняли две недели назад под предлогом, что застёжка требует починки.

Я даже не удивилась.

Оказывается, унижение не всегда приходит одним ударом. Иногда его собирают заранее, аккуратно, по частям, чтобы к нужному вечеру всё выглядело законно и красиво.

— Стая должна быть сильной, — сказала Мирена, обращаясь не ко мне, а ко всем сразу. — У альфы должна быть пара, способная разделить с ним не только дом, но и кровь рода.

У неё был приятный голос. Тёплый, мягкий, поставленный так, чтобы каждый слышал именно то, что хотел услышать. Старшие женщины закивали. Кто-то из воинов одобрительно хмыкнул. Советники переглянулись с тем спокойным удовлетворением, с каким хозяин смотрит на хорошо закрытую сделку.

Я стояла напротив неё и думала, что мне, наверное, тоже следовало что-нибудь сказать. Не ради Рейнара. Не ради Совета. Ради себя той, прежней, которая вошла в этот дом с надеждой и так долго старалась не замечать, как её здесь

делают всё меньше и меньше.

Но слова не приходили.

Во рту пересохло, пальцы похолодели, а на груди будто лежал тяжёлый камень.

— Алиса, — Рейнар произнёс моё имя, и зал снова стих.

— Тебе будет предоставлена достойная компенсация.

Компенсация.

Я всё-таки посмотрела на него с таким изумлением, что он едва заметно нахмурился.

Наверное, ожидал слёз. Или покорного поклона. Или бледного молчания, которое потом будет удобно вспоминать как подтверждение его правоты. Но в этот миг во мне что-то изменилось. Не вспыхнуло — нет. Я не стала вдруг смелой и сильной. Просто боль дошла до той точки, где перестала помещаться внутри и начала превращаться во что-то другое.

— Какая щедрость, — сказала я.

Голос прозвучал тише, чем хотелось, но достаточно ясно.

Несколько человек обернулись. Арвел прищурился. Мирена впервые посмотрела на меня прямо, и в её взгляде мелькнула тонкая досада. Ей не понравилось, что я подала голос. Видимо, по их сценарию бывшая жена должна была стоять безмолвной тенью, пока её место занимают перед всей стаей.

Рейнар сделал шаг ко мне, но остановился, будто вспомнил, что между нами теперь не должно быть личного.

— Я не хотел превращать это в унижение, — сказал он.

Вот тогда мне стало почти смешно.

Почти.

— Правда? — Я заставила себя не отвести глаз. — Поэтому ты собрал весь зал? Поэтому она вошла сразу после твоих слов? Поэтому Совет уже всё подтвердил, а я узнаю о своей судьбе вместе с теми, кто завтра будет обсуждать, как я держалась?

По залу прошёл шорох. Не возмущённый — жадный. Люди любили чужую боль, если могли назвать её законом стаи.

Рейнар сжал челюсть.

— Это порядок, Алиса.

— Нет, — ответила я. — Это удобство.

Арвел поднялся.

Старый советник двигался неторопливо, но мне хватило одного его взгляда, чтобы понять: мне позволили сказать ровно столько, сколько сочли допустимым. Ещё слово — и меня поставят на место уже не словами.

— Бывшая жена альфы сохранит личные вещи, украшения, подаренные до брака, и сумму, определённую брачным соглашением, — произнёс он. — Ей даётся сутки, чтобы покинуть главный дом. До завтрашнего заката Алиса обязана освободить покои, передать ключи управляющему и не вмешиваться в дела стаи.

Марта возле колонны тихо всхлипнула. Я не повернулась, но слышала.

Сутки.

Три года жизни уложили в сутки.

— А если я не успею? — спросила я.

Арвел улыбнулся так, будто я задала наивный детский вопрос.

— Тебе помогут.

В этом “помогут” было всё: чужие руки в моих сундуках, чужие взгляды на моих платьях, чужие шаги в комнате, где я когда-то ждала мужа до рассвета. Меня вынесут из этого дома аккуратно, законно, без шума. Как выносят лишнюю мебель перед приходом новой хозяйки.

Мирена чуть склонила голову.

— Я прослежу, чтобы к тебе отнеслись с уважением, — сказала она.

Слова были правильные. Почти добрые.

Только пальцы её в это время легли на рукав Рейнара.

Я смотрела на эту руку и вдруг ясно поняла, что если останусь здесь ещё хотя бы минуту, то сделаю то, о чём потом пожалею. Не потому, что ударю её или закричу. Нет. Хуже. Я могу попросить Рейнара передумать.

И это уничтожит во мне последнее, что ещё держалось прямо.

Поэтому я медленно выпрямилась.

— Уважение не поручают чужим людям, Мирена, — сказала я. — Его либо имеют, либо нет.

Её улыбка дрогнула.

Советник Арвел сделал шаг вперёд, но Рейнар поднял ру-

ку, останавливая его. На миг в его глазах мелькнуло что-то живое. Раздражение. Боль. Вина. Я не стала разбирать. Поздно было искать в нём человека, который однажды выбрал меня.

— Алиса, — тихо сказал он.

Я ждала продолжения.

Может быть, хотя бы сейчас он скажет что-то, что останется между нами настоящим. Не отменит развода, не вернёт мне дом, не сотрёт этот вечер, но хотя бы докажет, что три года не были ошибкой, которую он теперь исправляет перед всей стаей.

Рейнар молчал.

И этого оказалось достаточно.

Я поклонилась — не низко, не униженно, а ровно настолько, чтобы соблюсти приличия и не дать им повода сказать, что я ушла недостойно.

— Решение альфы услышано, — произнесла я.

Потом повернулась и пошла к дверям.

Никто не остановил меня. Никто не вышел следом. Только шёпот полз за спиной, цеплялся за подол платья, за волосы, за кожу. Я не разбирала слов, но чувствовала их как мелкие колючки. Бедная. Неподходящая. Бесплодный союз. Мирена красивее. Совет давно этого ждал. Альфе нужен настоящий род.

У самой двери я всё-таки оглянулась.

Рейнар стоял на прежнем месте. Мирена рядом с ним. Со-

вет за их спинами. Весь главный дом, вся власть, вся стая — там, в свете, под высокими балками, среди гербов и старых волчьих знаков.

А я — у выхода.

Между мной и прежней жизнью было всего несколько шагов, но я уже понимала: обратно меня не позовут.

Коридор встретил холодом. После переполненного зала здесь было почти пусто, только на стенах дрожали огни в бронзовых светильниках. Я шла быстро, пока хватало сил держать спину ровно. Платье путалось в ногах. Серебряная вышивка на рукавах казалась тяжёлой, ненужной, чужой. Это платье выбирала Марта утром, не поднимая на меня глаз. Значит, она знала. Или догадывалась. В этом доме все всё знали раньше меня.

На повороте к жилому крылу я остановилась и прижалась ладонью к стене.

Камень был прохладным.

Я вдруг вспомнила, как впервые вошла сюда невестой. Тогда мне казалось, что главный дом дышит силой. Огромные двери, тёмное дерево, лестницы, по которым ходили жёны прежних альф, портреты суровых мужчин с волчьими глазами. Я боялась сделать что-нибудь не так, но Рейнар тогда взял меня за руку и сказал: “Это теперь и твой дом”.

Я закрыла глаза.

Нет, не надо.

Не сейчас.

Если начать вспоминать хорошее, можно не выдержать плохого.

— Госпожа Алиса?

Я быстро убрала руку от стены и обернулась.

В конце коридора стоял Тавиш, старый хранитель родовых записей. В главном доме к нему относились странно: вроде бы уважали за возраст и память, но редко слушали, потому что Тавиш говорил только тогда, когда считал нужным, и никогда не спешил поддерживать мнение Совета. Он был невысоким, сухим, с седыми волосами, собранными у затылка, и внимательными глазами, от которых трудно было спрятать правду.

В руках он держал кожаную папку, перевязанную тёмной лентой.

— Если вы пришли выразить сочувствие, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — сделайте это завтра. Сегодня я могу не оценить доброту.

— Я пришёл не за этим.

Тавиш подошёл ближе, но остановился на почтительном расстоянии. Он не смотрел на меня с жалостью, и за одно это я была ему благодарна. Жалость сегодня была бы последней каплей.

— Совет слишком торопился, — сказал он негромко. — Когда решения принимают до собрания, в бумагах часто читают только те строки, которые удобны.

Я нахмурилась.

— О чём вы?

Он поднял папку.

— О вашем брачном соглашении.

У меня не было сил на новые удары. Я отвернулась к окну, за которым чернел двор главного дома. Там, за мокрыми от вечерней сырости плитами, начиналась дорога к воротам. Завтра до заката мне предстояло пройти по ней уже не хозяйкой, не женой альфы, даже не частью стаи, а женщиной, которой указали на выход.

— Мне уже сообщили о компенсации, — сказала я. — Украшения, личные вещи, немного серебра и сутки на сборы. Очень щедро.

— Не только это.

В его голосе было что-то такое, что заставило меня снова посмотреть на него.

Тавиш развязал ленту, открыл папку и бережно вынул несколько листов плотной бумаги. Чернила на них слегка потемнели от времени, а внизу стояли подписи: моя, Рейнара, Арвела как свидетеля Совета и старая родовая печать.

Я помнила тот день смутно. Перед свадьбой мне давали подписать множество бумаг. Договоры, подтверждения, обязательства. Рейнар тогда сказал, что это обычный порядок, и я поверила. Я вообще слишком часто верила ему там, где нужно было читать самой.

— В соглашении есть отдельный пункт, — сказал Тавиш.

— Он касается имущества, не входящего в главный родовой

дом.

— У меня нет имущества.

— Теперь есть.

Я ничего не ответила.

Старик провёл пальцем по строке и повернул лист так, чтобы я могла прочитать. Буквы сперва расплывались перед глазами, но потом я всё-таки разобрала несколько слов.

В случае расторжения брачного союза по инициативе альфы без доказанной вины супруги...

Я сглотнула.

...в пожизненное владение супруги передаётся Лунный дом с прилегающим двором, ключами, печатями и правом самостоятельного проживания без вмешательства Совета...

Я перечитала строку дважды.

Потом ещё раз.

Слова не складывались в реальность. Лунный дом. Я слышала о нём, конечно. Все слышали. Старый дом на окраине, за нижним садом и заросшей дорогой к северному холму. Его называли то пустым, то опасным, то бесполезным. Говорили, что там давно никто не живёт, окна заколочены, двор зарос, а по ночам в стенах будто светится луна, даже если небо затянуто тучами. Дети боялись подходить к нему близко. Взрослые делали вид, что не верят в слухи, но всё равно обходили стороной.

— Это ошибка, — сказала я.

— Нет.

— Совет бы не пропустил такой пункт.

— Совет и не пропустил. Когда-то этот пункт был условием старой хозяйки Лунного дома. Без него дом не признавал брачный союз альфы полным.

Я медленно подняла взгляд.

— Дом признавал?

Тавиш чуть помолчал.

— Некоторые места в нашей стае старше Совета, госпожа Алиса. И у них свои правила.

По коридору донёсся приглушённый шум из зала. Там продолжали собрание. Наверное, теперь говорили о Мирене. О будущем. О новой силе рода. О том, как правильно и красиво всё устроилось.

А здесь, в полутёмном коридоре, старый хранитель держал передо мной бумагу, в которой моя выброшенная жизнь вдруг получала не конец, а странную, пугающую дверь.

— Рейнар знает? — спросила я.

Тавиш не сразу ответил.

И этого хватило.

— Не знает, — поняла я.

— Возможно, забыл. Возможно, счёл несущественным. Возможно, Совет не напомнил.

Я усмехнулась, но на этот раз в смехе не было ничего весёлого.

— Конечно. Зачем напоминать бывшей жене альфы, что её нельзя просто выставить за ворота?

Старик сложил бумаги обратно, но одну оставил сверху.

— Завтра до заката вы должны покинуть главный дом, это правда. Но покинуть стаю вас заставить не могут. Лунный дом находится на земле рода, однако по договору он переходит под вашу защиту и власть. Совет не имеет права входить туда без вашего разрешения, если дом примет ключ.

— Если примет? — переспросила я.

Тавиш достал из внутреннего кармана старый ключ.

Он был длинный, потемневший, с круглой головкой, внутри которой серебрилась тонкая вставка в форме месяца. Металл выглядел холодным, но когда старик положил ключ мне на ладонь, я почувствовала странное тепло. Оно было слабым, едва заметным, как дыхание спящего ребёнка, но всё же живым.

— Лунный дом давно никого не принимал, — сказал Тавиш. — Но брачная печать ещё не снята. До полуночи вы имеете право заявить своё владение.

Я смотрела на ключ.

Ещё час назад у меня отняли имя, место, будущее и право стоять рядом с человеком, которого я когда-то любила. Мне дали сутки, чтобы исчезнуть из чужого праздника. А теперь на моей ладони лежало то, что Совет почему-то предпочёл забыть.

— Почему вы помогаете мне? — спросила я.

Тавиш опустил взгляд к бумагам.

— Потому что закон стаи должен защищать не только

сильных. И потому что Лунный дом не включали в договор просто так.

От этих слов по спине прошёл холодок.

— Что это значит?

Старик посмотрел в сторону зала, потом снова на меня. В его лице впервые мелькнула тревога.

— Это значит, госпожа Алиса, что если дом однажды проснётся, он проснётся не ради пустых стен.

Я хотела спросить ещё, но за поворотом послышались шаги.

Быстрые. Уверенные.

Тавиш мгновенно закрыл папку и отступил на полшага, будто мы говорили о чём-то совершенно обычном. Я сжала ключ в ладони и спрятала руку в складках платья.

Из-за угла вышел Рейнар.

Один.

Без Мирены, без советников, без своей новой правильной будущей жизни. На миг, совсем короткий, я увидела не альфу перед стаей, а мужчину, который слишком поздно решил что-то сказать. Или проверить. Или убедиться, что я не развалилась на куски прямо в коридоре его дома.

— Алиса, — произнёс он.

Я вдруг ясно почувствовала тепло ключа в ладони.

Не сильное, не обжигающее. Просто живое.

И впервые за этот вечер мне стало не страшно.

Рейнар остановился в нескольких шагах. Его взгляд

скользнул по моему лицу, задержался на Тавише, затем опустился к моей руке, спрятанной в платье. Он нахмурился.

— Что здесь происходит?

Тавиш молчал.

Я могла солгать. Могла сказать, что хранитель пришёл обсудить сборы. Могла промолчать, как молчала слишком часто за последние три года.

Но где-то далеко, за стенами главного дома, за нижним садом и заросшей дорогой, стоял старый Лунный дом. Заброшенный, забытый, никому не нужный.

Почти как я.

Я подняла голову и посмотрела Рейнару прямо в глаза.

— Кажется, — сказала я спокойно, — ты забыл отдать мне кое-что важное.

Глава 2. Дом, который проснулся

Рейнар смотрел на меня так, будто я сказала не о старом ключе и забытом пункте договора, а о чём-то невозможном.

В коридоре было слишком тихо. Из большого зала доносился глухой шум собрания, но здесь, между каменными стенами и дрожащими огнями светильников, каждое движение казалось громким. Я слышала, как где-то за поворотом скрипнула половица, как Тавиш медленно втянул воздух, как в моей ладони чуть заметно потеплел ключ. Его металл лежал у меня в пальцах не мёртвым предметом, а будто маленьким живым сердцем, которое просыпалось от моего страха и упрямства.

Рейнар сделал шаг ближе.

— Что именно я забыл? — спросил он.

Голос у него был ровный, но я слишком хорошо знала эту ровность. Так он говорил, когда сдерживал раздражение и не хотел показывать его при посторонних. Только теперь посторонней была я.

Я разжала пальцы и подняла ключ так, чтобы свет упал на потемневший металл и серебряный месяц в круглой головке.

Рейнар изменился в лице.

Не сильно. Другой, может быть, и не заметил бы. Но я заметила, как его взгляд на миг стал жёстче, как он быстро перевёл глаза на Тавиша, а потом снова на ключ. Значит, он

понял. Не всё, но достаточно, чтобы этот разговор перестал быть обычной проверкой бывшей жены в коридоре.

— Откуда он у тебя? — произнёс Рейнар.

Вопрос был неправильный. Не “зачем”, не “почему”, не “кто дал право”. Именно “откуда”. Как будто ключ должен был лежать где угодно, только не в моей руке.

— Из брачного соглашения, — ответила я. — Того самого, по которому мне положены личные вещи, немного серебра и сутки, чтобы исчезнуть из главного дома.

Тавиш кашлянул, едва слышно, но не вмешался. Он стоял рядом с папкой, прижатой к груди, и всем своим видом показывал, что готов подтвердить каждое моё слово, если Рейнар потребует. И всё же старик молчал. Наверное, понимал: сейчас это должно прозвучать от меня.

Рейнар протянул руку.

— Дай посмотреть.

Когда-то я вложила бы ключ ему в ладонь, даже не спросив зачем. Так было проще. Он решал, я доверяла. Он говорил, что всё уладит, я верила. Он хмурился, и я пыталась понять, чем помочь. Но в тот вечер прежняя привычка послушно отступила, будто тоже устала быть удобной.

Я не отдала ключ.

— Он мой.

Рейнар задержал руку в воздухе, потом медленно опустил.

В его взгляде мелькнуло то самое выражение, от которого прежде у меня сжималось сердце: смесь усталости, власти и

невысказанного приказа. Обычно после этого люди начинали объясняться, оправдываться, сдавать назад. Я тоже раньше сдавала. Не из страха, а потому что любила и думала, что мир между нами важнее моей правоты.

Теперь мира между нами уже не было.

— Алиса, ты не понимаешь, что это за место, — сказал он тише.

— Конечно, — я кивнула. — Сегодня я вообще много чего не понимаю. Например, почему весь дом знал о моём разводе раньше меня. Почему браслет будущей жены оказался на руке Мирены ещё до снятия моих печатей. Почему Совет успел решить, сколько часов мне оставить на сборы, но не успел вспомнить про Лунный дом.

Тавиш опустил глаза. Рейнар сжал челюсть.

— Это не место для тебя.

В груди неприятно кольнуло. Не от заботы в его голосе — её там почти не было. От того, что он снова говорил так, будто имел право решать, где мне быть, после того как сам же выставил меня из своей жизни перед всей стаей.

— А главный дом, значит, был для меня? — спросила я.

— Или я и там просто занимала место до тех пор, пока Совет не нашёл женщину удобнее?

Он резко выдохнул.

— Не начинай.

— Я уже закончила, Рейнар. Ты сам объявил это при всех. На этот раз он не нашёл ответа сразу. Мы стояли друг на-

против друга в коридоре, где ещё утром я проходила как хозяйка одного из крыльев, а теперь держала в руке единственное, что не позволило им вытолкнуть меня совсем. Мне было страшно. Очень. За этой спокойной злостью пряталась усталость, пустота и понимание, что впереди ночь, чужая дорога и дом, о котором все говорили шёпотом. Но страх не отменял главного: если я отдам ключ сейчас, завтра у меня не останется даже этого.

— Госпожа Алиса имеет право заявить владение до полуночи, — негромко произнёс Тавиш.

Рейнар повернул к нему голову.

— Я не спрашивал твоего мнения.

— Это не мнение, альфа. Это запись в договоре, подписанном вами, Алисой и Советом.

Слово “Советом” прозвучало особенно мягко. Почти незаметно. Но я увидела, как Рейнар понял смысл: если сейчас он отнимет у меня ключ, это будет уже не порядок, а нарушение собственной родовой печати. Арвел мог сколько угодно улыбаться в зале, но старые бумаги иногда кусались сильнее живых волков.

— До полуночи меньше трёх часов, — сказал Рейнар, снова глядя на меня. — Ты даже не успеешь собрать вещи.

— Значит, пойду без вещей.

Это вырвалось слишком быстро. Я сама не знала, правда ли готова выйти из главного дома сейчас, в одном платье, с пустыми руками и ключом от места, которого боялись даже

дети. Но стоило мне произнести эти слова, как внутри стало чуть легче. Не хорошо. Просто легче, будто я сделала первый шаг, пока меня не успели снова усадить и объяснить, почему лучше подчиниться.

Рейнар посмотрел на моё платье, на тонкие рукава, на волосы, выбившиеся из причёски, и на мгновение в его лице проступило что-то человеческое. Он будто хотел сказать, что ночь холодная, дорога плохая, а Лунный дом стоит пустым слишком давно. Но всё это разбивалось о простую правду: он сам дал мне сутки, чтобы уйти.

— Я отправлю с тобой людей, — сказал он.

— Нет.

— Это не просьба.

— А моё согласие уже не требуется? — Я усмехнулась, хотя губы дрожали. — Как удобно. Развод — без меня, новая жена — при мне, охрана — вопреки мне. Ты ничего не забыл, Рейнар?

Он отвёл взгляд первым.

И вот это почему-то ударило сильнее, чем все его холодные слова в зале. Если бы он продолжал давить, мне было бы проще держаться. Но этот короткий, почти виноватый жест напомнил мне о человеке, которого я когда-то любила. О том Рейнаре, который приносил мне поздние яблоки из северного сада, потому что я однажды сказала, что они пахнут детством. О том, который мог молча укрыть меня своим плащом, когда мы возвращались с осенней ярмарки под дождём.

Я почти возненавидела себя за то, что вспомнила.

— Тавиш проводит меня, — сказала я. — Этого достаточно.

Старый хранитель чуть повернул голову, но возражать не стал.

Рейнар посмотрел на него с явным сомнением.

— Ты едва ходишь до архива без остановки.

— Зато я помню дорогу, — спокойно ответил Тавиш. — И правила.

Эти слова закрыли разговор лучше любого приказа.

Я спрятала ключ обратно в ладонь и пошла к своим pokojам. Не чтобы собирать всё — на это действительно не было времени, да и сил тоже. Мне нужно было взять только то, без чего я не смогла бы сделать первый шаг в новой жизни. Рейнар не пошёл за мной сразу, но я слышала его присутствие за спиной, как раньше чувствовала его в любом зале, даже не оборачиваясь. Только теперь это не согревало, а давило.

Мои комнаты встретили меня тишиной.

Свечи на туалетном столике ещё горели, будто вечер не изменил ничего. На спинке кресла висела домашняя шаль, возле окна лежала недочитанная книга, на подоконнике стояла маленькая деревянная шкатулка, куда я складывала пуговицы, обрывки лент и всякие бесполезные мелочи, которые почему-то жалко выбросить. Всё выглядело слишком обычным. Таким обычным, что хотелось сесть на край кровати и наконец заплакать.

Но за дверью ждали шаги. В коридоре — Тавиш. Где-то в зале — Мирена, Совет и вся стая, которой уже объяснили, что я больше никто.

Я подошла к сундуку и достала дорожную сумку. Руки двигались неуклюже. Я положила туда тёплую шаль, простое платье, гребень, маленький мешочек с монетами, письма от моей покойной матери и ту самую шкатулку с мелочами, хотя разум говорил, что она лишняя. Потом остановилась, взяла с полки старый платок с вышитой по краю веточкой и прижала к лицу. Он пах пылью, деревом и чем-то почти забытым, не похожим на главный дом.

— Я могу приказать, чтобы тебе собрали всё остальное завтра, — сказал Рейнар от двери.

Я не обернулась.

— Не надо.

— Алиса.

— Не надо, — повторила я тише. — Я не хочу, чтобы Мирена выбирала, какие мои вещи достаточно важны, чтобы их сохранить.

За спиной повисла пауза.

— Она не будет этим заниматься.

Я всё-таки обернулась.

Рейнар стоял в дверях, не переступая порог. Раньше он входил сюда без стука. Его присутствие было таким привычным, что мне даже не приходило в голову иначе. Теперь он будто тоже чувствовал: порог между нами стал настоящим.

— Ты правда думаешь, что после сегодняшнего вечера я поверю твоим обещаниям? — спросила я.

Он не ответил сразу.

В коридоре за ним тихо переступил с ноги на ногу Тавиш. В доме где-то хлопнула дверь, донёсся женский смех, быстро оборвавшийся. Наверное, кто-то из служанок понял, что смеяться сейчас опасно. Или неприлично. Хотя неприличным в этом доме сегодня было не веселье.

— Я не хотел, чтобы всё вышло так, — сказал Рейнар.

Вот оно. Первое почти-извинение. Позднее, неудобное, слабое.

Я посмотрела на него и вдруг почувствовала не облегчение, а усталость.

— Но вышло, — сказала я. — И ты стоял рядом.

Он принял это молча.

Я застегнула сумку. Пальцы уже не так дрожали, как в зале. Может быть, потому что самое страшное случилось, а может, потому что ключ в кармане платья продолжал греть меня через ткань. Странное ощущение. Словно там, впереди, действительно было место, которое знало обо мне больше, чем я сама.

Уходить из комнаты оказалось труднее, чем из зала. Там меня выталкивали чужие взгляды. Здесь держали вещи, привычки, тихие утренние минуты, в которых я ещё надеялась, что всё можно исправить. Я окинула взглядом кровать, занавеси, кресло у окна, узкий письменный стол. На мгновение

захотелось оставить на нём записку. Не Рейнару. Себе. Той женщине, которая так старалась заслужить дом, где её никогда до конца не приняли.

Но я ничего не написала.

Просто погасила свечи.

— Идёмте, госпожа, — тихо сказал Тавиш.

Мы вышли через боковую лестницу. Так было проще: не нужно снова проходить мимо зала, где мою судьбу уже наверняка обсудили, разложили по полочкам и признали полезной для будущего стаи. Рейнар шёл с нами до нижнего холла. Не рядом со мной, а на несколько шагов позади, будто всё ещё не мог решить, сопровождает он меня, охраняет или пытается убедиться, что я не исчезну раньше, чем он поймёт, что натворил.

У дверей нас догнала Марта.

Она была в старом тёмном платье, с накинутой на плечи кофтой и узелком в руках. Глаза у неё покраснели, но подбородок она держала упрямо.

— Возьмите, госпожа, — сказала она и сунула мне узелок. — Там хлеб, сыр, сухофрукты и свечи. Ночь сырая, а в том доме... — Она запнулась и быстро перекрестила пальцы по старому жесту стаи, который делали, когда боялись лишний раз назвать беду.

Я взяла узелок, и горло снова сжалось.

— Спасибо, Марта.

Она хотела что-то сказать, но увидела Рейнара и передумала.

мала. Только поклонилась мне ниже, чем требовалось бывшей жене альфы. Этот поклон согрел сильнее любой шали.

На крыльце меня ударил холодный воздух.

Небо было тёмным, в рваных облаках. Луна то пряталась, то снова проступала бледным пятном, будто наблюдала за мной из-за занавеса. Двор главного дома блестел после недавней сырости, фонари у ворот качались на ветру. За окнами большого зала горел свет, и на мгновение я увидела в стекле силуэты людей. Кто-то стоял у окна. Возможно, Мирена. Возможно, Арвел. Возможно, просто любопытная служанка.

Я спустилась по ступеням.

Каждая ступень отзывалась в груди. Не болью даже — пустотой. Вчера я могла выйти во двор и вернуться обратно. Завтра уже не могла. Но этой ночью мне предстояло не уйти за ворота, как они хотели, а свернуть к старой дороге, которую никто не считал дорогой к будущему.

Тавиш шёл рядом, опираясь на трость. Удивительно, но старик держался бодрее, чем выглядел. Иногда он останавливался, прислушивался к ветру, потом снова продолжал путь. Рейнар всё же отправил за нами двух воинов, но они держались далеко, на таком расстоянии, чтобы формально не нарушать моего отказа. Я узнала их по силуэтам: Харн и Велис, оба из личной стражи альфы. Значит, Рейнар не приказал тащить меня обратно. Уже почти великодушие.

— Он боится, — сказал Тавиш, когда мы миновали ниж-

ний сад.

— Рейнар?

— Да.

Я плотнее запахнула шаль.

— За меня?

Старик не ответил сразу, и это было ответом.

— За то, что Лунный дом примет вас, — произнёс он наконец.

Я посмотрела вперёд, туда, где между чёрными стволами старых яблонь терялась узкая тропа. Сад давно не чистили. Ветки цеплялись за плечи, мокрая трава липла к подолу платья, где-то в темноте тревожно перекликались ночные птицы. Главный дом оставался за спиной, всё дальше, всё тише, и с каждым шагом я чувствовала, что мир, который казался огромным и нерушимым, на самом деле держался на нескольких дверях, чужих правилах и моём согласии молчать.

— Почему? — спросила я. — Что изменится, если старый дом просто откроет мне дверь?

Тавиш усмехнулся, но без веселья.

— Если бы он был просто старым домом, госпожа Алиса, Совет давно бы отдал его под склад, гостевой двор или новую усадьбу для одного из младших родов.

— А почему не отдал?

— Потому что дом не пустил.

Я споткнулась о корень и едва удержалась. Тавиш при-

держал меня за локоть, сухие пальцы оказались неожиданно крепкими.

— Простите, — сказал он.

— Ничего. — Я высвободилась осторожно. — Что значит — не пустил?

— То и значит. Не открывал двери. Гасил огонь. Сбрасывал ставни. Запутывал тех, кто пытался пройти дальше порога без права. Последний управляющий Совета пробыл там меньше часа, а потом три дня молчал и вздрагивал от каждого скрипа.

Я невольно сжала сумку крепче.

— Вы рассказываете это, чтобы мне стало спокойнее?

— Нет. Чтобы вы не приняли тишину за пустоту.

Дальше мы шли молча. Дорога поднялась на северный холм, и ветер стал сильнее. В какой-то момент облака разошлись, и луна осветила старую ограду, почти скрытую диким плющом. За ней стоял дом.

Я остановилась.

Лунный дом оказался не таким, каким я представляла его по слухам. Не развалиной. Не мёртвым пятном на земле стаи. Он был большим, вытянутым, с высокой крышей и тремя башенками по углам, но время наложило на него усталую тень. Часть окон действительно была закрыта досками, крыльцо просело, каменная дорожка заросла травой, а над воротами висела потемневшая деревянная вывеска с вырезанным месяцем. В лунном свете дом казался спящим зве-

рем, который давно лежал неподвижно, но всё ещё слышал каждый шаг.

И он ждал.

Я поняла это не умом. Просто почувствовала.

Так же, как иногда чувствуешь, что на тебя смотрят, хотя вокруг никого нет.

— Вот он, — сказал Тавиш.

Мне стало холодно по-настоящему.

Не от ветра. От осознания, что сейчас мне придётся подойти к двери и узнать, осталось ли у меня хоть одно место в этом мире. Если дом не примет ключ, я вернусь к главным воротам униженной уже дважды. Рейнар, возможно, молча отдаст приказ поселить меня в гостевом флигеле до утра. Арвел улыбнётся. Мирена пожалеет меня правильными словами. А завтра вся стая узнает, что даже заброшенный Лунный дом отказался от бывшей жены альфы.

— А если он не откроется? — спросила я.

Тавиш повернулся ко мне.

— Тогда мы будем думать дальше.

Простой ответ. Без красивых обещаний. И почему-то именно от него стало легче.

Я подошла к воротам. Они были железными, старыми, с узором из переплетённых ветвей и тонких полумесяцев. Калитка висела чуть криво, но когда я коснулась её рукой, металл едва слышно звякнул, будто проснулся. Где-то за спиной остановились воины Рейнара. Я не обернулась, но по-

чувствовала их напряжение.

Ключ в моей ладони потеплел сильнее.

Я нашла замок в зарослях плюща не сразу. Пришлось отодвинуть мокрые листья, испачкав пальцы и рукав платья. Замоочная скважина была почти не видна под налётом времени. Я вставила ключ, ожидая, что он не подойдёт, застрянет, сломается, только не совершит чуда, на которое я в глубине души уже начала надеяться.

Ключ повернулся легко.

Слишком легко для двери, которую не открывали годами.

Ворота распахнулись сами.

Не широко — ровно настолько, чтобы я могла войти. Ветер на миг стих, словно двор за оградой отделился от остального мира. Тавиш не сделал шага следом. Я оглянулась.

— Вы не идёте?

Старик покачал головой.

— Сначала должны войти вы.

Мне хотелось попросить его не оставлять меня одну. Но за спиной стояли чужие воины, где-то внизу светился главный дом, а в груди всё ещё болело от слов “брак расторгается”. Я уже слишком много раз просила о том, чего мне не давали.

Поэтому я вошла.

Двор встретил меня запахом мокрой земли, старого дерева и прелых листьев. Трава доходила почти до колен, между плитами дорожки проросли тонкие стебли, у стены темнел высохший куст роз, но под этой запущенностью ощущался

порядок, будто дом не разрушался, а просто ждал, когда кто-то придёт и снова назовёт вещи по именам. Слева стояла старая скамья с резной спинкой, справа — каменный колодец под круглой крышей. На его ободке я заметила вырезанный знак месяца, такой же, как на ключе.

Главная дверь была закрыта.

Я поднялась на крыльцо. Доски под ногами скрипнули, но выдержали. Замок на двери был больше, чем на воротах, с тремя кругами вокруг скважины. Я вставила ключ и вдруг поняла, что почти не дышу.

— Ну пожалуйста, — прошептала я.

Не знаю, к кому обращалась. К дому. К луне. К самой себе. Ключ повернулся.

Внутри что-то щёлкнуло, низко и глубоко, будто откликнулось не в двери, а в стенах. Потом по косяку пробежала тонкая серебристая линия. Она вспыхнула на миг, ушла вверх, разделилась на две, скользнула по резьбе, и я отступила на полшага, не в силах отвести глаз. Под пылью и потемневшим деревом проступали узоры: ветви, полумесяцы, волчьи следы, женские ладони, соединённые над очагом.

Дверь открылась.

В доме было темно.

Но темнота не пахла сыростью или смертью. Она пахла закрытыми комнатами, старым льном, пылью и чем-то тёплым, почти домашним. Я переступила порог, и подол моего платья задел пыльный пол. В тот же миг где-то впереди, в

глубине зала, вспыхнул огонь.

Я вздрогнула.

Очаг зажёгся сам. Не ярким пламенем, как в главном доме, а мягким серебристым светом, который не резал глаза и не бросал тревожных теней. Свет разошёлся по комнате, коснулся стен, потолочных балок, старой мебели под белыми покрывалами. На каменной кладке вокруг очага проступили тонкие лунные печати. Они были не нарисованы — скорее, пробуждались из самого камня, как прожилки в мраморе.

Снаружи Тавиш тихо произнёс что-то, но я не разобрала.

Я стояла посреди зала и не могла пошевелиться.

Дом не был пустым.

Он не был новым, чистым или готовым принять гостей. На полу лежала пыль, в углах висела паутина, на столе под покрывалом темнели следы времени, а лестница на второй этаж выглядела так, будто давно ждала хорошего плотника. Но под всем этим было дыхание. Осторожное, проснувшееся, внимательное. Дом будто прислушивался ко мне, а я к нему.

И впервые за этот день я не почувствовала себя лишней.

Это было так неожиданно, что я почти испугалась.

— Госпожа Алиса? — позвал Тавиш с порога. — Можно?

Я обернулась. Старик стоял за открытой дверью, не решаясь войти без разрешения. За ним в глубине двора маячили фигуры воинов. Они не пересекали калитку, и один из них, кажется Харн, держался за плечо так, будто его оттолкнула

невидимая стена.

— Входите, — сказала я.

Тавиш осторожно переступил порог. На миг печати возле двери вспыхнули ярче, но не остановили его. Старик облёгчённо выдохнул и поклонился дому — не мне, а именно дому.

— Принял, — сказал он.

Слово отозвалось внутри так сильно, что я прижала руку к груди.

Принял.

Главный дом за три года так и не сделал этого. А этот старый, заросший, пугающий Лунный дом — принял меня за несколько минут.

Я не заплакала. Наверное, слёзы просто закончились в зале. Или, может, внутри ещё было слишком много недоверия к любому добру.

— Что теперь? — спросила я.

Тавиш огляделся, и в его глазах мелькнуло почти благоговение.

— Теперь вы хозяйка.

Я рассмеялась тихо и устало.

— Хозяйка пыли, паутины и просевшего крыльца?

— Для начала — да.

Этот сухой ответ почему-то оказался лучше любого утешения.

Мы прошли дальше. Зал был просторным, с большим сто-

лом у окна, широкими подоконниками и двумя дверями в боковые комнаты. Одна вела на кухню, где на полках стояли пустые кувшины и медные кастрюли под серым слоем пыли. Другая — в маленькую комнату с низким диваном и шкафом, в котором я нашла сложенные покрывала. Когда я коснулась одного, оно оказалось сухим. Старым, но сухим. В Лунном доме всё выглядело забытым, но не погибшим.

Тавиш помог мне открыть ставни в зале. Ночная прохлада ворвалась внутрь, колыхнула пыль, и серебристый огонь в очаге поднялся выше, словно ему понравился свежий воздух. За окном воины Рейнара стояли у ворот. Внутрь они не входили. Один попытался приблизиться, но остановился, поморщившись, будто наткнулся на сильный встречный ветер.

— Им больно? — спросила я.

— Не думаю. Дом просто не считает их приглашёнными. Я медленно выдохнула.

Мне следовало испугаться такой силы. Наверное, я и испугалась. Но вместе со страхом пришло странное удовлетворение: наконец-то существовало место, где чужой приказ не был важнее моего слова.

Мы нашли в кладовой несколько свечей, старую метлу, чистую тряпку, ведро и запас сухих поленьев. Когда я внесла поленья в зал, очаг вспыхнул чуть теплее, будто одобрил. Я усмехнулась самой себе: бывшая жена альфы, изгнанная из главного дома, стояла в пыли посреди ночи и радовалась, что

старый очаг не отказался от её дров.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Тавиш.

— Здесь?

— Это теперь ваш дом.

Слово “ваш” всё ещё звучало неправдоподобно.

Я сняла шаль, закатала рукава и принялась протирать стол. Не потому, что это было самым важным среди ночи. Просто руки должны были что-то делать, иначе я начала бы думать о Рейнаре, о Мирене, о завтрашнем дне, о брачных печатях, которые к полуночи снимут, будто соскребут с моей кожи последние следы прежней жизни. Тряпка быстро стала серой. Пыль поднималась в воздух, щекотала нос, оседала на волосах. Тавиш сначала пытался спорить, потом молча взял вторую тряпку и начал очищать подоконник.

Так мы и работали некоторое время: я, старый хранитель и дом, который зажигал печати там, где наши руки касались дерева и камня.

Когда часы в прихожей вдруг пробили полночь, я вздрогнула так, что чуть не уронила ведро.

Старый механизм, который должен был давно остановиться, отмерил двенадцать ударов. На последнем ударе в груди резко потянуло. Не больно, но глубоко, будто тонкая нить, привязанная к сердцу, натянулась и оборвалась. Я схватилась за край стола.

— Брачная печать, — тихо сказал Тавиш.

Я закрыла глаза.

Всё.

Теперь официально. Перед стаей, перед Советом, перед домом, перед луной.

Я больше не жена Рейнара.

Мне казалось, что этот миг раздавит меня окончательно. Но вместо этого серебристый огонь в очаге вдруг поднялся, разливая по залу мягкое сияние. На стене над каминной полкой проступил новый узор: женская ладонь, держащая ключ, а вокруг неё — три маленьких волчьих следа.

Я подошла ближе.

— Тавиш?

Старик тоже смотрел на стену. Его лицо изменилось. В нём было не удивление даже — тревожное узнавание.

— Вы говорили, дом проснётся не ради пустых стен, — напомнила я. — Что это значит?

Он долго молчал.

Слишком долго.

— В старых записях Лунный дом называли местом защиты, — сказал он наконец. — Но он сам выбирал, кого защищать. Иногда женщин, которых род пытался лишить права голоса. Иногда детей, чья кровь была важнее для будущего, чем решения Совета.

Я посмотрела на три маленьких следа на стене.

Они светились слабее, чем ладонь с ключом, но были отчётливыми. Один след чуть больше, второй неровный, будто волчонок прихрамывал, третий совсем маленький.

— Каких детей? — спросила я.

Тавиш не успел ответить.

Снаружи, за воротами, раздался вой.

Не взрослый, не сильный, не грозный. Тонкий, сорванный, полный такого страха, что у меня по коже прошёл холод. Потом второй голос подхватил его — ниже, хриплее. Третий не выл, а будто скулил, захлёбываясь от усталости.

Я бросилась к окну.

Воины у ворот стояли напряжённо, но не двигались. За оградой, у самой калитки, в лунном свете метались три маленькие тени. Сначала я не поняла, что вижу. Потом одна из теней подняла морду, и свет упал на острые уши, худую спину, взъерошенную шерсть и глаза, слишком разумные для обычного зверя.

Волчата.

Трое.

Один был тёмно-серым, почти чёрным, с белым пятном на груди. Он стоял впереди, поджимая заднюю лапу, но всё равно рычал на воинов так, будто мог защитить остальных. Второй, рыжевато-бурый, жался к прутьям ограды и всё время оглядывался в темноту сада. Самая маленькая волчица была светлой, почти серебристой. Она дрожала сильнее всех, а на её боку, под тонкой шерстью, проступал тёмный знак в форме ломаного месяца.

Один из воинов шагнул к ним.

— Не подходи! — крикнула я, сама не ожидая от себя

такой силы.

Харн замер.

Тавиш оказался рядом со мной.

— Госпожа Алиса, осторожно.

Но я уже шла к двери. Не думала, не взвешивала, не спрашивала, правильно ли это. Вой маленькой волчицы всё ещё стоял в ушах, и в нём было что-то слишком знакомое: страх того, кого выставили за дверь и кому некуда идти.

Я распахнула входную дверь и сбежала с крыльца.

Ночь встретила холодом. Трава намочила подол, камни больно ударили по подошвам, но я почти не чувствовала этого. У ворот волчата шарахнулись от моего приближения. Старший встал перед маленькой, оскалился, хотя одна лапа у него дрожала от боли или усталости. Средний прижал уши и тихо зарычал. В его рычании было больше отчаяния, чем угрозы.

— Тише, — сказала я, останавливаясь в нескольких шагах. — Я не трону вас.

Они, конечно, не обязаны были мне верить.

За моей спиной на крыльцо вышел Тавиш. Воины по ту сторону ворот переглянулись. Харн сделал шаг вперёд.

— Госпожа, отойдите от них. Совет приказал никому не подпускать этих щенков к жилым домам.

Слово “щенков” прозвучало грубо, почти с отвращением. Старший волчонок вздрогнул и зарычал сильнее.

Я медленно повернула голову к Харну.

— К каким жилым домам?

Он замялся.

— К любим. Это дети из северной линии рода. Их держали отдельно, пока Совет решал...

— Что решал?

Харн отвёл взгляд.

Второй воин, Велис, мрачно сказал:

— Их считают проклятыми.

Маленькая волчица тонко заскулила, будто поняла каждое слово. Возможно, поняла. У оборотней дети рано начинали слышать человеческую речь даже в звериной форме. Я видела это в главном доме, когда младшие играли во дворе и притворялись, что не слушают взрослых.

— Где их взрослые? — спросила я.

Оба воина молчали.

Внутри меня поднялось что-то тяжёлое и горячее. Не ярость даже, а очень простое, почти телесное неприятие. Взрослые могли собираться в залах, говорить о крови рода, порядке, пользе и будущем. Могли разводить жён, прятать пункты договоров, менять хозяйку дома за один вечер. Но трое детей не должны были стоять ночью у ворот и ждать, решат ли они достойны тепла.

— Откройте калитку, — сказала я.

Харн вскинул голову.

— Госпожа, нельзя.

— Я сказала — откройте.

— Альфа не отдавал такого приказа.

Я посмотрела на него спокойно, хотя руки у меня дрожали.

— А я не в главном доме, Харн. И это не ворота альфы.

С этими словами я сама взялась за ключ.

Металл вспыхнул в ладони серебром. Не ярко, но достаточно, чтобы оба воина отступили. Замок щёлкнул сам, едва я коснулась его. Калитка открылась внутрь, и волчата, вместо того чтобы сразу броситься ко мне, прижались друг к другу. Старший всё ещё не доверял. Средний смотрел то на меня, то в тёмный сад за своей спиной. Маленькая почти падала на лапы от усталости.

Я опустила на корточки, не протягивая рук.

— Я Алиса, — сказала тихо. — Меня тоже сегодня выгнали.

Тавиш за моей спиной шумно выдохнул, но я не обернулась.

Старший волчонок перестал рычать. Не поверил, нет. Просто прислушался.

— Если войдёте, я не отдам вас Совету этой ночью, — продолжила я. — Не знаю, что будет утром. Не знаю, почему вы здесь. Но сейчас там, внутри, тепло.

Средний волчонок сделал маленький шаг. Потом ещё один. Его лапы скользнули по мокрой траве, и он едва не упал. Старший резко ткнулся ему мордой в бок, словно приказывал держаться. Маленькая волчица вдруг посмотрела

прямо на меня.

У неё были серые глаза.

Не звериные. Детские.

Испуганные до самого дна.

Она шагнула первой.

Как только её лапа коснулась дорожки Лунного дома, по камням пробежала серебристая нить. Потом вторая, третья. Они сплетались под ногами волчат, мягко освещая путь к крыльцу. Старший вздрогнул, но не отступил. Средний прижался к нему и всё же вошёл следом.

За воротами Харн выругался вполголоса.

— Госпожа Алиса, вы не понимаете, что делаете. Совет потребует их выдать.

Я встала, чувствуя, как холодный ветер треплет волосы и мокрый подол липнет к ногам. Волчата уже были по эту сторону ограды. Маленькая стояла совсем близко ко мне, но не касалась. На её боку тёмный ломаный месяц вдруг вспыхнул, и из дома ответил очаг — серебряным, живым светом, вырвавшимся через открытую дверь.

Тавиш побледнел.

— Дом признал их, — прошептал он.

Я посмотрела на волчат, на воинов за воротами, на старую ограду, которая теперь светилась едва заметными лунными узорами. Внутри всё дрожало от страха, потому что я прекрасно понимала: утром это уже нельзя будет спрятать. Совет узнает. Рейнар узнает. Мирена, наверное, улыбнётся

своей правильной улыбкой и скажет, что бывшая жена альфы сошла с ума от обиды.

Но маленькая волчица вдруг подошла и уткнулась носом в мою ладонь.

Она была холодная. Живая. Дрожащая.

И я больше не могла сделать вид, что это меня не касается.
— Закройте ворота, Тавиш, — сказала я.

Старый хранитель посмотрел на меня так, будто хотел предупредить ещё раз, но передумал. Он подошёл к калитке и потянул её на себя.

Харн шагнул вперёд.

— Госпожа, это приказ Совета!

Калитка захлопнулась прежде, чем он успел договорить.

Лунные печати вспыхнули по всей ограде. Высоко, резко, красиво. Серебряный свет поднялся над прутьями, как тонкая стена, и воины отступили уже по-настоящему. Где-то далеко, со стороны главного дома, ответил тревожный волчий вой.

Стая почувствовала пробуждение.

Я опустила взгляд на троих волчат у своих ног.

Старший всё ещё не доверял мне. Средний едва держался на лапах. Маленькая прижималась к моей руке и тихо скулила, как ребёнок, который слишком долго боялся попроситься внутрь.

За моей спиной Лунный дом распахнул дверь шире.

И в глубине зала, над серебристым очагом, один за другим

проступили три детских имени.

Глава 3. Волчата, которых нельзя впускать

Имена вспыхивали над очагом одно за другим, словно дом выводил их не светом, а самой памятью.

Дарен.

Тир.

Эли.

Я стояла во дворе, держа ладонь у морды маленькой серебристой волчицы, и смотрела через открытую дверь в зал, где серебряный огонь поднимался всё выше. Буквы над очагом не дрожали и не гасли. Они горели спокойно, уверенно, будто Лунный дом давно знал этих детей и только ждал, когда кто-то наконец впустит их внутрь.

Старший волчонок, тёмно-серый, всё ещё стоял впереди остальных, хотя задняя лапа у него заметно подрагивала. Он смотрел на меня исподлобья, не моргая, и в этом взгляде было столько недоверия, что я не решалась сделать лишнее движение. Рыжевато-бурый, тот самый, который всё время оглядывался в сад, прижимался к нему боком и тихо рычал на закрытые ворота. Маленькая волчица не отходила от моей руки, но и она не доверяла до конца: всякий раз, когда за оградой шевелились воины, её уши прижимались к голове, а тонкое тело вздрагивало.

— Дарен, Тир, Эли, — негромко прочитал Тавиш.

От его голоса старший волчонок резко повернул морду. В ту же секунду рыжий оскалился, а маленькая отступила так быстро, что едва не упала на мокрые плиты дорожки.

— Тише, — сказала я, сама не зная, успокаиваю детей или себя. — Он не сделает вам ничего плохого.

Старший не поверил. По крайней мере, мне так показалось. Он переступил вперёд, закрывая маленькую собой, и от этого движения у меня неприятно сжалось сердце. Ребёнок, который сам едва держался на лапах, всё равно пытался защищать других. Значит, взрослые рядом с ними либо исчезли слишком давно, либо перестали быть теми, на кого можно надеяться.

За воротами Харн ударил кулаком по светящейся преграде. Серебряный узор на ограде вспыхнул, и воин отдёрнул руку, не вскрикнув только из упрямства. Велис стоял рядом мрачный, с опущенными плечами, и смотрел на волчат так, будто хотел сказать что-то важное, но боялся не меньше детей.

— Госпожа Алиса, — произнёс Харн уже не приказным, а напряжённым голосом. — Вы должны открыть ворота. Немедленно.

Я медленно выпрямилась. Подол платья промок и лип к ногам, волосы выбились из шпилек, руки дрожали от холода и пережитого вечера. Наверное, со стороны я совсем не походила на женщину, способную спорить с воинами, Советом

и чужим решением. Но внутри у меня всё странным образом стало очень тихо.

Не спокойно. Нет. Страх никуда не делся.

Просто он перестал быть главным.

— Я никому ничего не должна немедленно, — ответила я.

Харн сжал зубы.

— Эти дети под запретом Совета.

— Дети не могут быть под запретом.

— Вы не знаете, о чём говорите.

— Так объясните.

Он оглянулся в сторону главного дома, откуда уже доносились новые звуки. Вой, поднявшийся после вспышки печатей, не остался без ответа. Вдали мелькали огни: кто-то шёл к Лунному дому по дороге через нижний сад. Не один человек. Несколько. Я поняла это по движению фонарей, по глухим голосам и по тому, как Харн сразу выпрямился, будто почувствовал за спиной старшую власть.

Совет.

Слишком быстро.

Или они ждали, что волчата придут сюда.

Эта мысль была такой неприятной, что я на мгновение забыла о холоде.

— Их нельзя впускать в дом, — сказал Велис. Он говорил тише Харна и смотрел не на меня, а на старшего волчонка. — Таков приказ. Если проклятие зацепится за защиту Лунного дома, оно может ударить по поселению.

Слово “проклятие” словно царапнуло воздух.

Рыжий волчонок вдруг метнулся в сторону и, прежде чем я успела хоть что-то понять, оказался у моей ноги. Не чтобы спрятаться. Нет. Он вскинул голову и цапнул меня за край рукава — быстро, зло, почти отчаянно. Зубы не достали до кожи, только ткань хрустнула в его пасти, но я всё равно вздрогнула.

— Тир! — вырвалось у меня, потому что имя само встало на язык.

Волчонок замер.

Он выпустил рукав не сразу. Смотрел на меня снизу вверх, тяжело дыша, с таким выражением в янтарных глазах, будто ждал удара. Я не подняла руки. Не оттолкнула его. Просто опустилась на корточки, очень медленно, чтобы не напугать остальных.

— Не надо кусаться, — сказала я тихо. — Я услышала.

Он мотнул головой, словно не хотел понимать, и отступил к Дарену. Старший, видимо Дарен, толкнул его плечом. В этом толчке было всё: и выговор, и тревога, и привычка держать младшего рядом. Эли прижалась к дорожке, стараясь спрятать светлый бок, где ещё недавно темнел ломаный месяц. Но когда она сместилась, я заметила, что знак стал слабее на шерсти — будто тень перетекала куда-то внутрь.

— Они понимают речь? — спросила я у Тавиша, не отрывая от них взгляда.

— Вероятно, больше, чем нам бы хотелось думать.

— Почему они не оборачиваются?

Тавиш долго смотрел на волчат. Серебряный свет от ограды ложился на его лицо, подчёркивая морщины и усталость.

— Потому что бояться, — сказал он наконец. — Или потому что им запретили. Иногда дети из сильных линий рано учатся держать звериную форму, если человеческая кажется им опаснее.

Я не стала уточнять, кто мог сделать человеческую форму опасной для детей. Ответ был слишком близко: там, за воротами, где уже приближались фонари.

Дарен вдруг поднял голову и тихо зарычал.

По дороге к Лунному дому шёл Арвел.

Он не спешил. Разумеется, не спешил. Старший советник вообще не любил торопиться — даже когда его порядок рушился у него на глазах. За ним следовали двое мужчин из Совета, женщина в тёмном плаще и ещё несколько воинов. Чуть позади я заметила светлое пятно платья под накидкой. Мирена тоже пришла. Не крикнула, не ускорила шаг, не показала тревоги. Просто двигалась рядом с чужой властью так, будто уже имела право присутствовать при каждом решении стаи.

Я сжала пальцы.

Лунный дом отозвался едва заметным теплом под подошвами.

— Госпожа Алиса, — сказал Арвел, остановившись по ту сторону ворот. — Откройте.

Он даже не поздоровался. Не спросил, жива ли я, не удивился, что дом меня принял, не взглянул на Тавиша. Его глаза сразу нашли волчат, и лицо стало таким неподвижным, будто кто-то закрыл ставни.

Эли тихо заскулила.

Дарен шагнул вперёд.

Тир снова оскалился, но на этот раз не на меня.

— Дом закрыт, — ответила я.

Арвел перевёл взгляд на светящуюся ограду. На мгновение его спокойствие стало чуть тоньше, почти прозрачным.

— Дом не имеет права закрываться от Совета.

Тавиш поднял голову.

— Имеет, если хозяйка не дала разрешения войти.

Женщина в тёмном плаще резко повернулась к нему.

— Ты слишком много позволяешь себе, хранитель.

— Я всего лишь помню старые правила, госпожа Селена.

Значит, её звали Селена. Я видела её в главном доме несколько раз: высокая, сухая, с холодными пальцами, которые она всегда держала сомкнутыми на поясе. Она отвечала в Совете за родовые линии и детей. Мне прежде казалось, что человек, который занимается детскими делами, должен быть мягче. Теперь я смотрела на неё и понимала, как наивно это звучало.

— Старые правила не должны угрожать живым, — сказала Селена. — Эти трое должны быть изолированы до решения Совета.

Слово было тяжёлым и чужим. Не жестоким на первый взгляд, но от него у меня по спине прошёл холод. Оно превращало детей в опасность, в вещь, в проблему, которую удобно убрать с глаз, пока взрослые решают, как не испачкать руки.

— Где их родители? — спросила я.

Вопрос повис между нами.

Арвел посмотрел на меня с лёгким утомлением, будто я отвлекала его от главного.

— Это не имеет отношения к делу.

— Имеет. Если трое детей пришли ночью к моим воротам, я хочу знать, откуда они пришли и почему за ними охотятся взрослые воины.

— Никто за ними не охотится.

За моей спиной Тир тихо фыркнул. Так зло и недоверчиво, что даже Тавиш посмотрел на него с горьким сочувствием.

Мирена сделала шаг вперёд.

— Алиса, ты пережила тяжёлый вечер. Все это понимают. Не стоит принимать решения из обиды.

Голос у неё был мягким. Тот же голос, которым она говорила в зале о силе стаи и правильной паре для альфы. Мягкость в нём была такой аккуратной, что почти резала. Она смотрела на меня не как соперница и даже не как победительница. Хуже. Как взрослая женщина на капризного ребёнка.

— Это не обида, Мирена.

— Тогда будь разумна. Ты только вошла в этот дом. Ты не знаешь его печатей, не знаешь, что может случиться, если проклятые дети останутся внутри до рассвета.

Эли резко пригнула голову.

Я увидела это движение и больше не могла слушать спокойно.

— Не называй их так.

Мирена моргнула.

— Как?

— Проклятыми. Они слышат.

На секунду она растерялась. Совсем чуть-чуть. Потом её лицо снова стало правильным.

— Я говорю не о них, а об угрозе, которую они несут.

— Угрозу несут не дети, — сказала я. — Угрозу несут взрослые, которые оставили их ночью за воротами.

Арвел чуть поднял руку, останавливая Мирену.

— Достаточно. Алиса, вы больше не жена альфы и не имеете права вмешиваться в решения Совета. Лунный дом передан вам в личное владение, но это не делает его убежищем для тех, кого Совет признал опасными.

В груди что-то дёрнулось. Опять это. “Вы больше не жена альфы”. Ещё недавно они использовали мой брак, чтобы заставить меня молчать. Теперь использовали развод, чтобы лишиться права говорить.

Я медленно вдохнула.

— Лунный дом передан мне с правом самостоятельного проживания без вмешательства Совета, — сказала я, повторяя строку из договора так точно, как смогла. — Печати и ключи тоже переданы мне. Если дом сам впустил детей, значит, он не считает их чужими.

Арвел посмотрел на Тавиша.

— Ты уже успел обучить её дерзости?

— Нет, — ответил старик. — Этому её сегодня обучили вы.

Несколько воинов у ворот переглянулись. Кто-то едва слышно хмыкнул, но сразу опустил глаза, когда Арвел повернул голову.

Мирена смотрела на Тавиша с неприязнью. Харн стоял напряжённый и всё время посматривал в сторону дороги, как будто ждал Рейнара. И я тоже вдруг поняла, что жду. Не помощи — на это я уже не рассчитывала. Просто появления человека, который должен знать, почему дети его рода оказались у старого дома ночью, мокрые, голодные и напуганные.

Но Рейнара не было.

Был Совет.

И волчата за моей спиной.

— Дарен, — сказала Селена вдруг.

Старший волчонок вздрогнул.

Я обернулась. Он застыл, не сводя с неё глаз. В этом взгляде было не детское непослушание, а старый, выученный страх. Тот самый, который появляется, когда ребёнок зара-

нее знает, что любое слово взрослого может обернуться болью или наказанием.

— Выходи, — велела Селена. — Тебе известно правило. Ты отвечаешь за младших.

Дарен не двинулся.

Тир прижался к нему так резко, будто хотел удержать. Эли совсем опустила голову и спрятала морду под бок старшего. Я смотрела на них и чувствовала, как внутри меня поднимается медленное, тяжёлое возмущение. Дарен был ребёнком. Не старшим мужчиной рода, не хранителем тайны, не виновником чужого страха. Просто ребёнком, которому взрослые уже успели объяснить, что он отвечает за всё плохое.

— Он никуда не пойдёт, — сказала я.

Арвел перевёл на меня взгляд.

— Не вынуждайте нас входить силой.

Тавиш побледнел.

— Арвел, не делай этого.

— Замолчи.

Это было первое грубое слово за всё время. И, может быть, именно оно показало, что спокойствие Совета подходит к концу. Арвел поднял руку, и двое воинов шагнули к воротам. Харн не сразу двинулся за ними. Я заметила его колебание. Может, ему было страшно перед печатями. А может, у него просто осталось достаточно совести, чтобы не хотеть идти на троих детей.

Ворота дрогнули.

Не от удара. От намерения.

Свет на ограде стал ярче. По железным прутьям побежали тонкие серебряные нити, сплетаясь в узор, похожий на раскрытые ладони. Дом за моей спиной отозвался глухим звуком: где-то внутри закрылась одна дверь, потом другая, потом третья. Не хлопком, а тяжёлым, окончательным щелчком засовов, которых там, кажется, ещё час назад вообще не было.

Воины остановились.

— Алиса, — сказал Арвел очень тихо. — Последний раз предлагаю вам поступить разумно. Впустите нас, передайте детей, и Совет учтёт ваше потрясение после развода. Вам позволят остаться в Лунном доме до конца месяца. Возможно, дольше, если вы не будете мешать.

Вот она, настоящая цена их милости.

Не закон. Не безопасность. Обмен.

Я посмотрела на Лунный дом. На распахнутую дверь, за которой серебристый очаг горел всё ярче. На имена над ним. На следы, проступившие на камнях. Дом не говорил со мной словами, не объяснял, что правильно. Он просто стоял за моей спиной, тёплый, старый, проснувшийся, и будто ждал, выберу ли я его правила или снова подчинюсь чужим.

Тир вдруг снова бросился ко мне.

Я не успела отстраниться. Он вцепился зубами в край моего платья и дёрнул, но не зло — испуганно. Он тянул меня назад, к дому. Дарен глухо зарычал, обращаясь уже не к вои-

нам, а к нему, словно приказывал отпустить. Эли метнулась между ними и впервые приподнялась на дрожащих лапах.

В следующее мгновение её тело окутал серебристый свет. Я застыла.

Маленькая волчица будто растворилась в этом свете, а потом на мокрых камнях вместо неё оказалась девочка лет пяти или шести. Худая, бледная, в слишком большой серой рубашке, с босыми ногами и спутанными светлыми волосами. Она тяжело дышала, прижимая одну руку к груди, а другую прятала за спиной.

— Эли, — выдохнул Тавиш.

Девочка испуганно посмотрела на него и сразу шагнула ко мне. Не обняла, не спряталась, просто встала так близко, что её плечо коснулось моего бедра. Я медленно опустила руку ей на волосы. Она вздрогнула, но не отошла.

— Всё хорошо, — сказала я, хотя сама понятия не имела, как может быть хорошо, когда за воротами Совет требует отдать ребёнка.

Эли подняла на меня глаза. Серые. Те самые.

— Не отдавайте нас, — прошептала она.

Голос был хриплым и тонким, будто она давно не говорила. Или ей давно не позволяли.

В груди у меня что-то болезненно перевернулось.

— Не отдам этой ночью.

— Никогда, — сказала она почти беззвучно.

Я не могла обещать “никогда”. Не знала их истории, не

знала силы Совета, не знала, что сделает Рейнар, когда узнает. Честный ответ должен был быть осторожным. Разумным. Взвешенным.

Но девочка смотрела на меня так, будто от одного моего слова зависело, останется ли она стоять на ногах.

— Я не отдам вас тем, кто пугает вас до дрожи, — сказала я. — Это обещаю.

Эли медленно вынула руку из-за спины.

На её ладони темнела метка.

Не на боку, как в звериной форме, а прямо в центре маленькой детской ладони. Ломаный месяц, тонкий и неровный, будто кто-то нарисовал его тенью под кожей. Она заметила мой взгляд и тут же сжала пальцы в кулак.

— Они говорят, из-за неё нас нельзя впускать, — прошептала девочка. — Говорят, дом горит холодным светом.

Слова были странными, детскими, явно повторёнными за взрослыми. Именно поэтому от них стало страшнее.

Я присела перед ней на корточки, чтобы наши глаза оказались почти на одном уровне.

— Лунный дом сам открыл вам ворота, Эли. Значит, он не боится твоей ладони.

Она смотрела на меня с таким сомнением, что я осторожно протянула руку. Не схватила, не заставила. Просто раскрыла ладонь рядом с её кулачком.

— Можно?

Эли помедлила. Потом очень медленно положила свою

маленькую ладонь в мою.

Метка была холодной. Не как лёд, а как лунный камень, который долго лежал ночью на подоконнике. В ту же секунду от порога к нам пробежала серебряная нить. Она обвила наши руки мягким светом, коснулась тёмного знака и не погасла. Не вспыхнула тревожно, не обожгла, не оттолкнула. Просто легла поверх, как тонкий узор.

За воротами кто-то резко втянул воздух.

— Невозможно, — сказала Селена.

Арвел молчал.

И это молчание было красноречивее любого крика.

Тир перестал тянуть моё платье. Он смотрел на руку Эли, потом на меня, потом снова на дом. В его янтарных глазах впервые мелькнуло что-то кроме злости. Не доверие. До доверия было далеко. Но, может быть, короткое удивление, что взрослый не отдёрнул руку.

Дарен оставался в звериной форме. Он не приближался и не менялся. Только смотрел. Очень внимательно. Очень тяжело для ребёнка.

— Видите? — сказала я, поднимаясь. — Дом не разрушился.

Селена шагнула к воротам.

— Это ничего не доказывает.

— Конечно, — ответила я. — Если доказательство вам неудобно, оно сразу ничего не доказывает.

Арвел прищурился.

— Осторожнее, Алиса.

— Я весь вечер была осторожной. Меня это ни от чего не защитило.

На дороге за спинами Совета послышался новый шум. На этот раз шаги были быстрыми, тяжёлыми, и люди расступались без приказа. Сердце у меня невольно ударило сильнее ещё до того, как я увидела Рейнара.

Он появился между фонарями без плаща, в той же тёмной одежде, в которой стоял в зале. Только теперь его собранность дала трещину. Волосы растрепал ветер, лицо было жёстким, а взгляд сразу метнулся к светящейся ограде, к Арвелу, потом ко мне.

И к детям.

Дарен тихо зарычал.

Тир попятился.

Эли спряталась за мою юбку, так резко и отчаянно, будто именно Рейнара боялась больше всех. Я почувствовала, как её пальцы вцепились в ткань моего платья, и внутри всё сжалось.

Рейнар остановился.

Он увидел это.

Конечно, увидел.

На мгновение его лицо стало таким, каким я никогда не видела его перед Советом. Не холодным, не властным, не раздражённым. Растерянным. Будто ему показали не нарушение приказа, а правду, к которой он не был готов.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Арвел повернулся к нему с почти незаметным облегчением.

— Альфа, бывшая жена нарушила прямое распоряжение Совета и впустила проклятых детей в Лунный дом. Дом реагирует нестабильно. Мы должны немедленно вывести их отсюда, пока защита поселения не пострадала.

Слова легли ровно. Удобно. Правильно.

Если бы я не видела дрожащую Эли, не слышала хриплый голос Велиса, не чувствовала, как Тир тянет меня к дому, я, может быть, тоже поверила бы в эту аккуратную версию.

Рейнар посмотрел на меня.

— Алиса.

Сколько всего снова оказалось в одном имени. Приказ. Вопрос. Предупреждение. И что-то ещё, едва заметное, чему я не хотела давать названия.

Я выпрямилась, хотя Эли всё ещё держалась за моё платье. За моей спиной Лунный дом заскрипел половицами, и входная дверь начала закрываться сама — медленно, тяжело. Не передо мной. Перед теми, кто стоял снаружи.

Тавиш шагнул ко мне ближе.

— Дом сделал выбор, альфа, — сказал он.

— Дом не решает за стаю, — отрезал Арвел.

В ту же секунду серебряный свет вспыхнул так ярко, что все у ворот невольно отступили.

Главная дверь Лунного дома захлопнулась.

Потом защёлкнулся первый засов.

Второй.

Третий.

Окна на первом этаже одно за другим засветились лунными печатями, а на воротах проступил новый знак: женская ладонь над тремя волчьими следами. Тот самый узор, что был над очагом, теперь горел перед всем Советом.

Эли всхлипнула и сильнее прижалась ко мне.

Я медленно накрыла её пальцы своей рукой и посмотрела на Рейнара через сияющую ограду.

— Ты хотел, чтобы я покинула главный дом до заката, — сказала я. — Я ушла раньше. Теперь это мой дом. И дети, которых он принял, этой ночью останутся здесь.

Рейнар не ответил сразу.

За его спиной Арвел уже открывал рот, Селена сжимала руки на поясе, Мирена смотрела на меня с такой тихой яростью, что её правильная улыбка наконец исчезла совсем.

А Дарен вдруг сделал шаг вперёд.

Свет окутал его тёмную шерсть, как перед этим Эли. Я думала, он обернётся мальчиком и впервые заговорит. Но он остался волчонком. Только на камнях перед его лапами вспыхнули слова.

Не его имя.

Просьба.

Не отдавай Тира.

Тир тихо заскулил.

Рейнар побледнел.

И я поняла, что Совет боялся не того, что Лунный дом разрушит защиту поселения.

Они боялись, что он начнёт говорить правду.

Глава 4. Альфа приходит за детьми

Слова на камнях горели недолго.

Сначала они были яркими, будто сама луна вырезала их на мокрой дорожке перед лапами Дарена. Потом свет начал тускнеть, буквы расплылись тонкими серебряными нитями и ушли в камень, оставив после себя только влажный блеск. Но я успела прочитать. Все успели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.